

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил НЕСТЕРОВ

СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ

КОМБРИГ

Военно-историческая фантастика

Михаил Нестеров

Сталинский сокол. Комбриг

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестеров М. П.

Сталинский сокол. Комбриг / М. П. Нестеров — «Махров»,
2019 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-103489-4

Угодивший в 1941 год военный летчик ВКС Российской Федерации Олег Северов продолжает храбро и умело сражаться с фашистами. И немало «птенцов Геринга» рухнуло с небес после встречи с отчаянным русским асом. Командование отмечает победы Северова наградами и повышением в звании. Олег считается не только одним из самых результативных пилотов-истребителей ВВС Красной Армии, имеющим на боевом счету больше полусотни сбитых немецких самолетов, но и отличным командиром и организатором. Поэтому, когда Верховный главнокомандующий принимает решение послать в Северную Африку на подмогу союзникам, терпящим поражение за поражением, специальную авиационную бригаду, оснащенную новейшей техникой, одним из кандидатов на должность комбрига рассматривается гвардии капитан Северов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103489-4

© Нестеров М. П., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Нестеров

Сталинский сокол. Комбриг

© Нестеров М., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Путь до Москвы занял сутки, утром следующего дня Северов, голодный, уставший и замерзший, прибыл наконец в управление формирования и комплектования ВВС ВМФ. Дежурный на входе не хотел пускать такое чучело и требовал привести себя в порядок, правда, не мог объяснить, как это можно сделать. Их перебранка привлекла внимание солидного вида командира, спустившегося по лестнице и направлявшегося к выходу.

– Что у тебя, Пилипенко?

– Да вот, товарищ полковник, настоящее чучело! Я этому сухопутному говорю, чтобы привел себя в порядок, а потом шел на прием!

– Правильно говоришь! Иди, приведи себя в порядок, боец! – командир с презрением оглядел Северова и повернулся, чтобы уйти.

– Товарищ полковник! Разрешите обратиться!

– Ты что, слов не понимаешь? – разозлился тот.

– Я не боец, я лейтенант! И форма моя вместе с самолетом сгорела, а другой в госпитале нет! – повысил голос Северов.

– Вот как! Дай свои документы! – полковник посмотрел их и повысил голос на дежурного. – Ты что, Пилипенко, с ума сошел! Ты не видишь, что он из госпиталя? Вместо того чтобы помочь человеку, ты его муржить решил?! Пропусти немедленно и проводи к Белову!

Потом повернулся к Северову:

– Пройдешь с ним. Подполковник Белов тебе место службы определит.

Подполковник Белов оказался небольшого роста круглым дядечкой с основательной лысиной, кустистыми бровями и басом, сделавшим бы честь самому Шалапу. Правда, из-за этого баса говор у него был довольно невнятный, Олегу приходилось напрягаться, чтобы понять, о чем тот говорит. Сначала подполковник внимательно читал документы Северова, потом не менее внимательно их перечитывал, потом вздохнул и принялся перебирать их третий раз, перечитывая уже только некоторые из них. Летчик мысленно успокаивал себя тем, что голод можно и потерпеть, а вот то, что в кабинете было тепло, это большой плюс. К тому же ему предложили сесть, а не поставили по стойке «смирно» на неопределенное время.

Когда Белов вознамерился перебирать бумаги в четвертый раз, Северов не утерпел:

– Что-то не в порядке, товарищ подполковник?

– С чего ты это взял? – искренне удивился кадровик.

– Извините, – лейтенант приготовился ждать как минимум до обеда.

Однако подполковник перестал изучать документы и принялся задавать вопросы. Северов отвечал, Белов кивал и вновь погружался в размышления. Потом, пройдясь вопросами по фронтовой биографии Олега, особенно заинтересовался выходами из вражеского тыла. Справки о результатах проверки особистами были приложены, но подполковник еще раз пошуршал ими. Лейтенант уже прикинул, что кантоваться ему тут придется до весны, но тот неожиданно улыбнулся и сказал, что Северов будет направлен в запасной авиаполк для восстановления навыков (кто бы сомневался, такой порядок). А для дальнейшего прохождения службы он может быть направлен в формируемый 33-й истребительный авиационный полк КБФ. И, видя недоумение собеседника, пояснил, что шансов вернуться в свой 4-й ИАП у него нет, он выведен на переформирование и его штаты полностью укомплектованы.

– Короче, принуждать не хочу. Если согласен, получай назначение, если нет, то все равно поедешь в запасной авиаполк, но там, сам понимаешь, куда и когда попадешь – неизвестно.

Северов предложение оценил. Белов имел полное право ничего не спрашивать, но он спросил и оставил выбор за лейтенантом.

– Я согласен, товарищ подполковник. И спасибо вам.

– Эх, парень! Не путевку в санаторий предлагаю. Все равно на фронт, а уж четвертый полк или тридцать третий, какая разница.

В этом была правда, и Северов вдруг подумал, что у Белова наверняка есть сын, и он сейчас воюет или готовится убыть на фронт. Мысленно пожелав Белову-младшему удачи, Олег еще раз поблагодарил подполковника и отправился оформлять необходимые документы. Для этого требовалось некоторое время, так что у него есть возможность пока пообедать и через два часа прибыть в соседний кабинет, где ему выдадут направление и проездные документы.

Когда Олег вышел на улицу, то сообразил, что пообедать вряд ли удастся. На ресторан денег нет, да и заходить в приличное место в таком одеянии просто неудобно, а талонов в столовую у него нет. Придется обратиться к дежурному, может, он подскажет, что делать. Вдруг у Северова появилось чувство, что на него кто-то смотрит, быстро обернувшись, летчик увидел Забелина, который с улыбкой его рассматривал. Олег заметил, что в петлицах у него присутствует ромб, повысили до майора госбезопасности.

– Хорош! – искренне восхитился майор. – Если бы в другом месте встретил, подумал бы, что к заброске подготовили. Тебя что, на улице обобрали?

– Здравия желаю, товарищ майор госбезопасности! Нет, это я из госпиталя пробираюсь.

Владимир Викторович посмотрел на часы:

– Так, немного времени у меня есть. Давай рассказывай, как тебя угораздило. Кстати, а шел ты куда?

Узнав, что Олег решал проблему обеда и имеет целых два часа на ее решение, Забелин командовал следовать за ним и привел к машине, на которой они приехали столовую, в которой питались командированные в столицу сотрудники НКВД. Талоны у него оставались, так что майор велел Северову не переживать по этому поводу. За обедом, который летчик съел с большим аппетитом, он рассказал про свою службу после выхода из окружения, ранение и направление в морскую авиацию. Забелин покачал головой:

– Да, досталось тебе.

Некоторое время он сидел молча, только отпивал чай небольшими глотками, потом сказал:

– Ладно, время у меня вышло, ехать надо. Рад, что ты живой, может, увидимся еще.

Северов вернулся в управление, немного подождал, затем старший лейтенант выдал ему предписание, еще раз оглядел стоящее перед ним чучело и, качая головой, скрылся за дверью кабинета. Еще через полчаса кряхтящая и дребезжащая полуторка неспешно увозила лейтенанта в Кубинку, где базировался запасной авиаполк.

Генералы Петровский и Снегов были наконец выписаны из госпиталя. По-хорошему, надо было бы еще подлечиться, но обстановка на фронте не позволяла спокойно лежать на больничной койке или отдыхать в санатории. Состояние здоровья было признано удовлетворительным, и выписку им назначили на один день. Когда об этом стало известно, они получили приказ сразу из госпиталя прибыть к начальнику Генерального штаба РККА маршалу Шапошникову. Было понятно, что речь пойдет не столько о новом назначении, сколько о докладных записках. Петровский и Снегов были эрудированными военачальниками, имеющими к тому же пусть и небольшой, но успешный опыт боевых действий против немецких войск. И теперь, вызванные к Шапошникову, готовились комментировать и отстаивать свой совместный труд. А еще они договорились для себя, что Снегов будет проситься к Петровскому начальником штаба. Меньше чем на армию назначить не должны, ведь Леонид Григорьевич уже был назначен командармом до своего ранения. А если предложат что-то большее... Справятся и с большим!

Они не знали, что, прочитав их докладные записки, Шапошников пришел в большое волнение. Он показал записи только двум людям – своему заместителю Василевскому и своему

предшественнику Жукову. У Жукова не было времени подробно ознакомиться с их содержанием, он постоянно мотался по фронтам. Но даже беглого взгляда хватило, чтобы Георгий Константинович в своей обычной лапидарной манере сказал:

– Логично и убедительно! Надо немедленно докладывать Верховному! Можете рассчитывать на мою поддержку в этом вопросе.

И снова уехал на фронт. Александр Михайлович Василевский документы изучил внимательно и был полностью согласен с Жуковым. Борис Михайлович доложил Сталину, тот взял их на изучение. Изучал их довольно долго, хотя обычно он даже объемные материалы читал быстро. Было очевидно, что он не просто читает, но и обдумывает. Целую неделю он не упоминал о них, а потом попросил Шапошникова остаться после заседания Ставки ВГК.

– Что вы думаете об этих документах, Борис Михайлович?

– Я боюсь, товарищ Сталин, что мне трудно оценить их в полном объеме. Сначала выскажусь по поводу чисто военных вопросов. Я взял на себя ответственность и ознакомил с ними товарищей Жукова и Василевского. Они очень высоко оценивают эти предложения по совершенствованию нашей тактики и вооружений. Ни одно из них не вызвало ни у них, ни у меня принципиальных возражений. Что же касается нашей военной промышленности и, особенно, политических вопросов, то здесь я менее компетентен. Однако все, что там написано, и мне и моим коллегам кажется очень обоснованным. Если честно, то я не ожидал от этих генералов таких смелых, а главное, отлично продуманных предложений и тезисов по такому широкому спектру вопросов. Но должен заметить, что товарищи Петровский и Снегов подготовили великолепные документы, продемонстрировали прекрасную штабную культуру и высокий уровень компетентности. Хочу напомнить, товарищ Сталин, что они хорошо зарекомендовали себя в первые месяцы войны, успешно сражались с немцами и только общий ход военных действий не позволил им нанести более серьезный урон противодействующим силам противника.

– Как вы считаете, товарищ Шапошников, достойны эти генералы награды за проделанную работу?

– Безусловно, товарищ Сталин!

– Теперь по поводу их будущих назначений. Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Еременко ранен и не может пока исполнять свои обязанности. Есть мнение назначить на эту должность товарища Петровского. А начальником штаба ему дать товарища Снегова. Он ведь был начальником штаба дивизии и корпуса. А товарища Захарова мы используем на другом фронте.

– Я считаю, это будет правильно. Пусть на практике докажут правильность предлагаемых нововведений. Дадим им самые широкие полномочия в этом вопросе. А товарищ Жуков контролирует их действия как представитель Ставки.

Сталин не стал обсуждать с Шапошниковым затронутые в документах политические вопросы. Прочитав первый раз докладную записку, касающуюся причин возникновения Второй мировой войны и роли ведущих мировых держав в ее ходе и послевоенном устройстве, Сталин был глубоко взволнован. Смутные подозрения, которые у него имелись по ряду моментов, были изложены ясно и аргументированно. Можно было бы отнестись ко всему намного проще, мало ли что напридумывают люди. Но во-первых, сделанные прогнозы полностью становятся реальностью и нет оснований полагать, что дальнейшие события пойдут как-то иначе. Во-вторых, Сталин аккуратно, не раскрывая сути дела, запросил дополнительную информацию от НКВД и разведки. То, что он получил, полностью укладывалось в приведенный доклад. И это многое меняет в наших отношениях с союзниками. Нет и не будет никакого второго фронта в Европе, пока наша победа не будет решающей, пока наши войска не подойдут к границам Германии. А тогда он нам будет совершенно не нужен! И сейчас акцент надо сделать на поставки не вооружений, а некоторых материалов, которых у нас пока недостаточно, а также промышленного оборудования, а не готовой продукции. Предложения по совершен-

ствованию тактики наших войск позволяют надеяться на большую их эффективность в борьбе с врагом. А прогноз на действия в 1942 году с ударом в сторону Нижней Волги и Кавказа с его нефтью, подтвержденный полученными выкладками по производству нефти и нефтепродуктов Германией и ее сателлитами и их потреблению, позволяет спрогнозировать перемещение центра тяжести советско-германского фронта на юг. И подготовиться к такому развитию событий. Для себя Сталин решил продолжать отслеживать соответствие прогноза реальным событиям.

Когда Петровский и Снегов прибыли к Шапошникову, он, несмотря на большое желание обсудить с ними ряд вопросов, поехал с ними к Сталину. Оба генерала заметно волновались, оно и понятно. Сама по себе встреча с Верховным Главнокомандующим – событие не рядовое, а если иметь в виду повод для нее, то тем более.

Однако встреча прошла хорошо. Сталин спросил об их здоровье и, услышав в ответ, что они готовы служить Родине в любом месте, где будет приказано, перешел к делу. Он задал много вопросов, по которым чувствовалось, что Сталин и сам хорошо в них разбирается и тщательно их проработал и обдумал. Ответы его, видимо, удовлетворили.

– Ну что ж, товарищи, подытожим. Поскольку вы имеете самое непосредственное отношение ко всем этим предложениям, то вам и предстоит показать их правильность. Есть мнение назначить вас, Леонид Григорьевич, командующим Брянским фронтом, а Михаила Георгиевича – начальником штаба. Членом Военного совета вам дадим Дмитрия Александровича Лестева, он человек молодой и решительный, опытный в военных делах. А есть ли у вас, товарищ Петровский, кандидатуры на должность заместителя командующего фронтом?

– Так точно, товарищ Сталин! Генерал-лейтенант Лукин Михаил Федорович. Его должны на днях выписать из госпиталя.

Сталин кивнул:

– Вижу, вы в госпитале времени не теряли. Не только с документами работали, но и к людям присматривались. Ставка согласна с кандидатурой заместителя командующего фронтом.

От Сталина не укрылась радость обоих от того, что и дальше они будут работать совместно. Он улыбнулся и продолжил:

– Вам будут даны самые широкие полномочия, вся новая техника, о которой идет речь в докладных записках, будет направляться в первую очередь к вам для всесторонних фронтовых испытаний. Соответствующие поручения руководителям нашей промышленности, конструкторам и ученым уже даны. Курировать фронт со стороны Ставки будет генерал армии Жуков. Ставка Верховного Главнокомандования высоко оценивает проделанную вами работу, решение о вашем награждении будет принято в ближайшее время.

От Сталина генералы вышли в приподнятом настроении. Шапошников отпустил их отдыхать, а утром они явились к нему и проработали весь день, вникая в обстановку и планируя и согласуя с Генеральным штабом дальнейшие действия своего фронта. А вечером они снова были вызваны в Кремль, где Михаил Иванович Калинин вручил им ордена Ленина. Рано утром следующего дня генералы вылетели на фронт.

В кабине полуторки было холодно, дуло немилосердно, и Северов замерз как цуцик. Когда он, снова голодный и замерзший, в своем бомжеватом прикиде появился в штабе полка, то больше походил на пленного румына, чем на командира РККА. Находившиеся в штабе три воендевушки смотрели на Олега с нескрываемым презрением. На них была хорошо подогнанная по фигуре форма, на вешалке висели новенькие шинели из английского сукна, возможно, пошитые по индивидуальному заказу, на гимнастерках блестели какие-то значки. Но Северову было не до рефлексий по поводу своего внешнего вида, он отдал свои документы румянному старшему лейтенанту, помощнику начальника штаба полка, и сразу переместился к печке, собираясь немного согреться.

– Что, солдатик, замерз? – насмешливо спросила одна из девушек. – В тылу-то еле жив, а что на фронте будет?

Разговаривать с девицами в резкой манере не стоило, хотя и очень хотелось, поэтому Олег промолчал и продолжал отогреваться у печки.

– Оставь его, Наташа. Не видишь, мальчика только от мамки оторвали. Страдает, бедняжка!

Летчицы весело рассмеялись. Это был перебор, но ничего сказать в ответ Олег не успел, старший лейтенант, смотревший его документы, неожиданно резко сказал:

– А ну тихо! Он не солдатик, а лейтенант, командир эскадрильи. У него боевых вылетов под сотню, восемнадцать сбитых лично. Награжден двумя орденами Красного Знамени. А к нам из госпиталя, после ранения. Ничего себе, три раза сбивали над оккупированной территорией, три раза возвращался! Лейтенант, да ты кто вообще такой?

– Там же написано, – засмеялся слегка отогревшийся Олег. – Лейтенант Северов, авиация КБФ.

Девушки смотрели на него с откровенным удивлением.

– Ну и придели тебя в госпитале! – старший лейтенант покачал головой. – У нас тут со снабжением пока неважно, но постараемся что-нибудь придумать.

На улаживание всяких формальностей с документами потребовалось некоторое время, после чего он был определен на ночлег. Разместился Северов в комнате вместе с пятью другими пилотами, которых тоже направили в 33-й ИАП КБФ. Два лейтенанта, три младших лейтенанта. Судя по виду, все воевали, зеленых новичков нет.

Антон Соколов, лейтенант, летал на ЛаГГ-3. Пять сбитых. Орден Красной Звезды.

Роман Воронин, лейтенант, летал на МиГ-3. Шесть сбитых. Орден Красного Знамени.

Иннокентий Журавлев, младший лейтенант, летал на ЛаГГ-3. После госпиталя. Три сбитых. Медаль «За отвагу».

Вадим Хомяков, младший лейтенант, летал на ЛаГГ-3. Четыре сбитых. Орден Красной Звезды.

Владлен Железнов, младший лейтенант, летал на МиГ-3. Два сбитых. Медаль «За боевые заслуги».

Вот такая компания. И лейтенант Северов, два ордена Красного Знамени. В прошлом старший летчик в 12 ИАП, командир эскадрильи в 4 ИАП ВМФ.

С мужиками познакомился быстро, воевавшие практически с начала войны летчики быстро распознали своего. История у всех, кто воевал летом – осенью 41-го, была богатая, но выходами из вражеского тыла очень заинтересовались. Железнов один раз выходил из вражеского тыла, ощущения свои помнил хорошо. Журавлева сбивали целых два раза, но над своей территорией. В общем, тема для разговоров была долгой, на несколько вечеров.

А на следующий день началась учеба. Сначала всех посадили в класс, изучали матчасть – Як-1. Потом начались и полеты. Три недели интенсивной учебы, полеты каждый день. На восстановление навыков пилотирования истребителя ушла целая неделя, потом стало получаться (помнят руки-то!). Сначала Олег летал в роли ведомого у Воронина, но через две недели руководство запасного полка, оценив его уровень, назначило Северова ведущим, а ведомым стал Железнов. Тот отнесся к этому спокойно. Хлебнувший полной ложкой военного лиха, он прекрасно понимал, что Северов в качестве ведущего – его дополнительный шанс на выживание. Вообще все летчики оказались очень неплохими пилотажниками и стрелками, Олег делился с ними всем, что знал, и ребята воспринимали все на лету в прямом и переносном смысле слова. Уже через день после знакомства все шестеро стали вместе бегать и заниматься гимнастикой. У командования запасного полка они были на отдельном счету, после обучения их должны были забрать, а командиру полка очень хотелось оставить хоть кого-нибудь из них инструктором. Впрочем, их инструктор – старший лейтенант Тяжелов, которому исключительно подходила

его фамилия, тоже был очень хорошим летчиком. Объяснял он все неторопливо и доходчиво, никогда не повышал голос и не ругался. Ну, на шестерку опытных летчиков обижаться было не за что, а вот молодняк из военных училищ откалывал номера. Тяжелов учил еще восемь человек этих птенцов. Один сел на брюхо, не выпустив шасси, его учили на И-15, он просто забыл это сделать. Другой дал на посадке такого козла, что подломила стойка шасси. Третий потерял ориентировку и с трудом нашел аэродром, уже на последних каплях горючего. Летчику-инструктору надо иметь железные нервы! Тяжелов только вздыхал и продолжал терпеливо объяснять новичкам их ошибки. А однажды вечером, прогуливаясь перед сном, Северов и Железнов услышали голоса из окна комнаты, где располагался кабинет командира запасного полка. Тяжелов ревел медведем, скандалил так, что летчики просто не могли себе представить такой сцены с его участием. А требовал он от командира отправить его на фронт! Эти едва умеющие летать пацаны скоро будут на фронте, а он, Тяжелов, остается в тылу, прячется за их спинами! Потеряв терпение, командир полка тоже орал, что тогда все здесь, и он в том числе, тоже спрячутся за чужими спинами. А кто будет учить их летать? Кто сделает из них летчиков? Успокоившись, командир полка сказал, что сам получил втык от начальства за бесконечные рапорты о переводе на фронт и Тяжелова прекрасно понимает. Будет возможность – отпустит. Олег и Владлен переглянулись, вот такая жизнь в тылу. Никто из них не хотел бы остаться здесь инструктором, так что Тяжелова, да и командира полка, они прекрасно понимали.

А под конец обучения им пришлось выступить в роли противников для девушек из 586-го истребительного авиаполка. Летали те неплохо, очень даже хорошо, но Олег вспомнил, читал еще в прошлой жизни, что их в истребительные части быстро перестали брать. Женский организм все-таки хуже переносит нагрузки. Видимо, это не лишено смысла, так как ребята их просто перелетали. К тому же за три недели ежедневных полетов по два-три раза в день они здорово натащались не только в пилотировании, но и в тактике. Девушки были сильно разочарованы, но когда появился Северов в своих обмотках и обрезанной шинели, их возмущению не было предела. Проиграть заслуженным боевым летчикам – это одно, но такому чучелу – совсем другое. Соколов и Воронин на правах старших товарищей стали их успокаивать, и вскоре девушки уже смеялись над своей горячностью. Вечером они предложили прийти к ним в гости, попить чаю, поговорить. Заодно отметить 23 февраля, День Красной Армии и Флота, сразу после торжественного собрания.

А ребят ждал еще один сюрприз. Командир полка объявил им, что завтра они будут получать новую технику. Что за самолеты, он точно не знает, но вроде не «Яки». И вообще не наши, а иностранные. Северов подумал, что если это «Харрикейны», то вот будет облом! Но вслух ничего не сказал. Он не знал, когда в СССР стали по ленд-лизу поступать «Аэрокобры», «Спитфайры» и «Киттихауки». Может, что-то из них?

Олег колебался, идти ли ему в гости к летчицам из 586-го ИАП, но Соколов сказал, что его пригласили персонально, одна из девушек очень хотела познакомиться с ним, летчицу впечатлила его техника пилотирования.

Северов слышал, что порядки в женских подразделениях очень строгие, но все оказалось намного проще. Командование полка с большей частью личного состава уехало в Москву, а шесть девушек остались ждать новые самолеты. Их обещали со дня на день. Так что если не шуметь и не привлекать внимание, можно устроить нормальные вечерние посиделки и попить не только чаю, но и чего покрепче. Это самое «чего покрепче» истребители уже раздобыли – две бутылки чачи и три бутылки оджалеши. Все это богатство им предоставил троюродный брат Вадика Хомякова, который служил в Закавказском военном округе, в транспортной авиации. Вадик не жмотился и сразу сказал, что это для посиделок с девушками. А тут и случай представился. Тот же бесценный брат Вадика привез еще и целую сетку мандаринов и чай в бумажном кулке. Прикупили на рынке немного сала, Кеша Журавлев сделал салат из редьки с

морковкой, нашлась и пара банок тушенки. У девушек был хлеб, хрустящие соленые огурчики, десяток вареных яиц, картошка в мундире. В общем, устроили настоящий пир.

Интересовавшаяся Северовым девушка оказалась младшим лейтенантом Викой, фамилия у нее была Галанина. У нее были роскошные черные волосы, карие миндалевидные глаза и грудь третьего размера. На вид ей было года двадцать два, она была единственной девушкой в бриджах, все остальные были в юбках. Оказалось, что она получала обмундирование позже всех, и юбки ее размера не нашлось.

Все быстро разбились на пары, благо ребят и девушек было одинаковое количество, и принялись уничтожать съестное и спиртное под замысловатые тосты. Первый был, впрочем, простой – за Победу. Вторым – традиционно – за Сталина. А дальше дали волю фантазии. Олег угощал Вика мандаринами, подкладывал в тарелку еду посолоннее, сам съел вареное яйцо, пару картофелин, похрустел огурцом. Оставшись верен себе, спиртного в рот не брал, с удовольствием пил свежесваренный чай. Хотя на оставшиеся одиннадцать человек вина и чачи было немного, девушки немного захмелели. Все-таки чача была очень крепкая, хоть и пила легко.

Ребята и девушки спели несколько песен, у некоторых были очень хорошие голоса. В прошлой жизни Олег имел хороший слух, но совершенно не имел голоса, поэтому подпевать даже не пытался. Потом потанцевали под негромко игравший патефон, снова сели за стол и допили-доели почти все, что еще оставалось.

– А ты никогда не пьешь? Совсем?

– Совсем. Не привык раньше, сейчас зачем привыкать?

– Без этого на войне свихнешься! – убежденно сказала Вика.

– Пока не свихнулся, обойдусь и дальше, – засмеялся Северов.

Девушка немного помолчала и спросила:

– А ты не считаешь нашу встречу пиром во время чумы? Ну, в смысле, что вся страна воюет, а мы тут пьем, едим, танцуем...

– Не считаю! Мы за чужими спинами не прячемся, придет наше время, улетим обратно на фронт. Когда – решаем не мы. Сейчас тысячи людей голодают, но если мы тоже не будем есть, им лучше не станет. Мы ни у кого счастье не ворует, оно наше, все, сколько есть!

– Ты прав, извини, – девушка вышла из задумчивости и совсем тихо добавила: – Пойдем со мной.

Три пары уже куда-то исчезли, барак, в котором жили девушки, был почти пустой. Вика привела Олега в небольшую комнату с двумя кроватями, в углу которой стояла длинная вешалка с летними комбинезонами. В комнате было жарко натоплено, довольно светло от фонаря за окном.

Вика стащила сапоги, стянула бриджи вместе с кальсонами.

– Я тоже хочу свой кусочек счастья! Я хочу, чтобы меня обнимал сильный и уверенный в себе мужчина! Потому что мне очень страшно одной! А рядом с тобой спокойно!

Девушка обняла Северова и ткнулась ему лицом в плечо.

Олег не был ее первым мужчиной, но опыта у нее не было практически никакого. Так что вскоре она забыла обо всем на свете, о войне, о своем страхе, о холоде за окном. Ее руки обнимали Олега за шею, тело отзывалось на ласку, по нему проходили сладкие судороги. Через полчаса Вика обессиленно вытянулась на кровати. В комнате было очень тепло, и Вика лежала на животе поверх одеяла, а Северов гладил ее по бедрам, ягодицам, спине.

– Мне кажется, городской девушке на войне тяжелее, чем деревенской.

– А ты деревенский? Не похож совсем. И как ты догадался, что я из города?

– С трудом себе представляю, что девушку из глухой деревни могут назвать Викторией. А я не городской и не деревенский. Я никакой.

– Как это? – удивилась Вика.

– Очень просто. Я не помню, где родился.

Девушка приподнялась на локтях, Олег невольно залюбовался ее грудью.

– Как не помнишь?

– Я детдомовский. А в марте 41-го болел, чуть не умер. Вот и не помню кое-чего из детства.

– А из какого детдома?

– Не знаю, да и какая разница. Почти год прошел, а я так и не вспомнил. Ну узнаю, что из Орла или Новосибирска, и что?

– Да, наверное, ты прав, – задумчиво сказала Вика. – А я из Смоленска. Папа у меня инженер, призвали в начале войны, где воюет, не знаю. А мама осталась в Смоленске. Их школу эвакуировали, но перед отправкой была бомбежка, не все пришли. А искать времени не было. Я так ничего про нее не узнала. В общем, вроде не сирота, а никого нет.

– Сирота, это когда маленький. А когда вырос – просто одинокий.

– Просто... Просто для тебя, потому что ты сильный.

Олег понял, что надо снова заставить ее забыть обо всем. И ему это удалось.

Проснулся Северов в шесть часов утра и, услышав поскрипывание половиц и осторожные шаги за дверью, встал и быстро оделся. Когда он надевал сапоги, дверь приоткрылась, в нее заглянула одна из летчиц, Катя. Танцевала она с Соколовым, с ним потом и ушла. Олегу сделала знак, чтобы шел за ней. Ребята уже сидели на кухне и пили чай. Катя в шинели, надетой, как халат, прямо на голое тело, села рядом с Антоном и прижалась к его плечу. Летчики быстро допили свой чай, съели по куску черного хлеба и ушли в свое общежитие. На прощание Антон нежно поцеловал свою Катю, в глазах которой стояли слезы.

Командир запа огорошил их новостью, что самолеты пришли разобранными. Так что предстоит их сначала собрать, а уж потом осваивать. Вот только проблема в том, что инструкция написана на английском языке, теперь надо искать переводчика.

Северов ответил, что это как раз не проблема, английский он знает, в школе пилотов изучал. А проблема – квалификация механиков. Однако командир запа за своих механиков заступился, тем более что работать они будут под руководством двух военинженеров, специально присланных ГУ ВВС. Проблема была только в переводчике.

Два средних лет военинженера 3 ранга английский немного знали, по крайней мере кое-как объясниться смогли бы, но для перевода инструкции по сборке этого было явно недостаточно. Однако при помощи Северова дело пошло. А в ящиках оказались шесть Curtiss P-40E Kittyhawk. Северов провел также занятия с остальными летчиками, чтобы они могли оперировать милями, футами, галлонами и прочими буржуйскими единицами измерения. Наконец самолеты были собраны, можно было начинать их осваивать. Наблюдая за работой механиков, Северов отметил, что они действительно неплохи, но с тоской вспомнил Михалыча, Винтика и Шпунтика. Даже взгрустнул. Правда, бонусом к иностранным самолетам оказались отличные кожаные летные куртки А-2 и пистолеты «Кольт» М1911А1 45 калибра. Куртки были летние, но никто особо не расстроился, зимой в комбезе надо летать, а зимняя куртка, если штанов нет, только для форсу. «Кольты» в свободное время пристреляли, понравились машинки, хотя Олег «Вальтер», а тем более «Браунинг», на «Кольт» не поменял бы.

К полетам приступили 1 марта и напряженно занимались еще целую неделю. Все летчики были опытными, а самолеты – несложными в управлении, поэтому освоили их достаточно быстро. Олег читал в свое время, что на освоение «Киттихаука» один из летчиков на Севере потратил всего несколько часов, а потом выполнил на нем комплекс фигур высшего пилотажа. Так что недели им хватило, чтобы более-менее уверенно овладеть новой техникой. Самолеты, в общем, понравились. Кабина была удобной, радио- и навигационное оборудование хорошим, вооружение довольно мощным – шесть крупнокалиберных пулеметов, дальность полета тоже

была приличной. Но и недостатки имелись. Маневренность с «Мессером» не сравнить, да и скороподъемность раза в два ниже.

Решено было отправить пополнение на место дислокации 33 ИАП КБФ 9 марта, на аэродром под Москвой, около городка Бронницы. Накануне, 8 марта, летчики пришли попрощаться с подругами из 586-го полка. Из спиртного на этот раз были только три бутылки чачи (снова брат Вадика помог), да и с едой было похуже. Вареная картошка, сало, хлеб. Украшением стола была кастрюля ухи, сваренной летчиками, свежепойманую рыбу для нее дал один из механиков. Ароматная уха под чачу пошла великолепно, потом потанцевали и около десяти вечера разошлись по комнатам. Олег устроил Вике (а может, и она ему) ночь настоящей страсти, угомонились они после полуночи, усталые и довольные друг другом.

Рано утром мужчины попрощались со своими подругами. Прощание получилось недолгим, но горячим, полным обещаний писать, не забывать и всего того, что говорят дорогим сердцу людям. С той поправкой, что и мужчины и женщины расстанутся, чтобы через короткое время оказаться на фронте. Ребята со своим полком должны были улететь куда-то севернее, в район Ленинграда, девушки – вообще неизвестно куда, говорили про южное направление. Так что никаких адресов они друг другу дать не могли.

Командир запасного полка коротко пожелал им удачи, штурман объяснил маршрут. Сначала предполагалось, что их будет лидировать Пе-2, но что-то сорвалось, и они полетели самостоятельно, лидируемые Северовым, как показавшим лучшие навыки аэронавигации.

Лететь предстояло около ста километров, так что Олег особо не беспокоился, даже если придется немного покружить. Но с ориентировкой у него было все в порядке, аэродром нашли сразу и приземлились, имея на борту приличный запас топлива.

Глава 2

Командир полка майор Бармин встретил их неласково. Алексей Викторович был в отвратительном настроении. Из тридцати двух лет жизни почти половина – четырнадцать лет были отданы Балтийскому флоту. Командовал 10 ИАП, спешно сформированным в начале войны и вооруженным И-16 и И-153. Он был практически уничтожен, сам Бармин попал в госпиталь. После выписки получил приказ сформировать новый полк под Москвой, чем и занимался уже более месяца. Сначала радовало то, что летчики подбирались с реальным боевым опытом, дало командование такую возможность. Потом несколько расстроило вооружение. Полк, имевший к тому времени две полные эскадрильи, получил Hurricane Mk.2. Прост в управлении, но тяжел на маневр, вооружение из 12 пулеметов винтовочного калибра слабовато для борьбы с немецкими бомбардировщиками, бронезащита намного хуже И-16. Освоили их летчики, привыкшие к непростому в управлении И-16, легко и быстро и теперь ожидали возвращения на фронт.

Майор всей душой рвался обратно, хотел поскорее вернуться под Ленинград и бить ненавистного врага там, на берегах любимой Балтики, а вместо этого получил приказ готовиться к перебазированию на Брянский фронт. К тому же вместо обещанной полновесной третьей эскадрильи прилетела ровно половина машин, всего шесть, да еще отличных от машин полка. И о дальнейшем пополнении руководство велело забыть, полноценной третьей эскадрильи не будет.

Поэтому он передал, не читая, их документы начальнику штаба майору Волку и отправил размещаться в общежитие для летного состава – мрачный барак на окраине городка на берегу реки Нищенки.

Внутри барак оказался намного лучше, чем снаружи. Все шестеро новичков разместились в большой комнате, где вполне хватало места не только шести кроватям с тумбочками, но и трем большим платяным шкафам, двум большим столам, десятку стульев и роскошному дивану. самого молодого, Северова, пытались немного подколоть, но новички сразу показали, что они слетанный коллектив, а не просто зашли в гости. А когда выяснилось, что на шестерых у них сбитых больше, чем у всего остального полка, отношения стали гораздо более уважительными.

На проверку новичков и все остальные дела Бармин имел время максимум до конца марта, хотя подозревал, что меньше, недели две. Учебные бои устроили через день, после сдачи зачета по району полетов штурману полка. Рано утром 11 марта было малооблачно и тихо. На КП собрались Бармин, Волк и заместитель командира полка майор Трегубов. Вскоре должен был подойти комиссар полка, батальонный комиссар Каменев. Комэск-1 старший лейтенант Коля Бараев со своими ведомыми младшим лейтенантом Димой Окуновым и старшим сержантом Сергеем Сергеевым должен был проверить, чего стоят новички в воздухе (да, полк еще летал трехсамолетными звеньями).

Те стояли около своих машин, ожидая команд руководства. Майор Трегубов объявил о начале тренировки.

– Сначала ваше первое звено работает против звена Бараева, потом второе звено. Высота две тысячи, уходите в этот район, оттуда идете курсом 30, обнаруживаете противника и атакуете его. А он вас. Кстати, как вы звенья поделили?

– Мы работаем парами, товарищ майор. Звенья должны быть четырехсамолетными, – доложил Рома Воронин.

Трегубов некоторое время размышлял, потом спросил:

– Ваши предложения?

– Работаем парой против звена, – Воронин покачал головой. – Только, товарищ майор, наши машины более скоростные.

– Ты нос-то не задирай! Здесь тоже не кружок начинающих планеристов. Давайте, первая пара по машинам!

Все было организовано так, что бой должен был проходить в районе аэродрома. Вот только произошло не так, как рассчитывало командование полка. «Киттихауки» маневрировали настолько энергично, насколько позволяли эти тяжеловатые машины. Третий самолет в звене «Харрикейнов» предсказуемо стал первой жертвой противника. А через пять минут Бармин скомандовал прекратить бой. Взлетела пара Соколова. Результат был тот же. Последней взлетела пара Северов – Железнов. Эти управились даже немного быстрее, Бармин приказал всем идти на посадку.

Надо сказать, что новички никаких эмоций по поводу своей победы не проявили, а вот местные летчики выглядели смущенными. Люди опытные, они понимали, что дело не только в превосходстве техники. Командир полка тоже сделал правильные выводы, поэтому после обеда пригласил летчиков новой третьей эскадрильи в штаб на беседу. Северов, уже расспросивший летчиков первой и второй эскадрильи об их тактике, к разговору был готов. Когда Бармин предложил высказаться по поводу учебного боя, он попросил слова и сказал:

– У немцев всюду летает «Фридрих» – Messerschmitt Bf.109F и, я уверен, очень скоро появится следующая модификация. Но даже у «Фридриха» скорость, и особенно скороподъемность, ощутимо выше. Про маневренность я не говорю. К тому же на «Харрикейнах» стоят только пулеметы винтовочного калибра, сбить двухмоторный бомбардировщик из них очень непросто. Но дело не только в технике. В звене третий самолет – потенциально первая жертва. Собственно, во всех трех боях так и было. В 12 ИАП, где я начинал войну, мы перешли на пары и четырехсамолетные звенья еще летом 1941-го. Я так понял, что новое наставление по тактике истребительной авиации вы недавно получили. А мы многие приемы отработали в запасном полку. Поскольку наши самолеты уступают противнику в маневренности и скороподъемности, эшелонирование по высоте жизненно необходимо. К тому же все машины оснащены хорошими радиостанциями, так что с управлением в бою вопрос можно считать решенным. Если предельно коротко, то все.

На вопрос комполка, что думают другие, Воронин сказал, что им добавить нечего. Бармин отпустил их и задумался.

– А думать тут нечего, – сказал Волк. – Я его бумаги почитал, справки кое-какие навел. Он эскадрилей уже командовал. Восемнадцать сбитых имеет, два ордена. И про новую тактику не просто так говорил, он этим еще в 12-м полку занимался. Так что ставь его на эскадрилью, а там посмотрим.

И завертелось. Активным сторонником освоения новой тактики стал комэск-1 старший лейтенант Бараев. Коля сказал своим подчиненным:

– Я как представил, что это «Мессер» мне в хвост зашел, сразу у меня в мозгу все на свои места и встало. Если жить хотим, надо учиться.

Занимались в классе, устроенном в большой комнате здания штаба полка. Занимались пешим по-летному. Отрабатывали слетанность пар, звеньев, эскадрилий. Проводили воздушные бои и тщательно их разбирали. Летный состав серьезно занялся гимнастикой. Олег помнил про тренировки по стрельбе и когда узнал, что у Волка есть целых два охотничьих ружья, изложил свою идею командованию. Командование идею одобрило, теперь каждый день на импровизированном полковом стрельбище звучали выстрелы. Не забывали и о стрельбе из личного оружия. Все летчики тщательно пристреляли свои пистолеты и обслужили их. В мастерских были пошиты и укомплектованы разгрузочные жилеты. Комиссар полка с удовлетворением отмечал растущую сплоченность коллектива. А Бармин, Трегубов и Волк, принимающие активное участие в процессе боевой учебы, радовались, наблюдая, как на глазах растет мастерство их подчиненных. Многие не просто учились, а сами предлагали новые тактические приемы, помогали друг другу в учебе. Обратили внимание командования полка на недостаточную бронезащиту

летчика на «Харрикейнах», в мастерских была организована переделка бронеспинок, ставили от И-16.

Ровно через две недели после первого учебного боя Северов и Бармин на ПС-84 полетели в Кострому за запчастями для самолетов. Комполка взял Олега в качестве переводчика, часто случалось, что некоторые документы не успевали перевести, нужен был человек, который не только переведет какой-нибудь техпаспорт или инструкцию, но и понимает о чем речь. И вот тут лейтенанта ждал настоящий сюрприз. После того как на складах отыскиались нужные запчасти и все было проверено, комполка остался подписывать документы, а Северов вышел на улицу и обнаружил Шпунтика, весьма зачуханного и грязного, ругающегося с каким-то старшиной. Старшина, холеный и мордастый, одетый в прекрасный белый полушубок и валенки, грозно напирал на Пашу Шведова, тряс перед его носом внушительным кулаком и кричал, что ему надоели всякие дармоеды, которые норовят только пожрать побольше, а работают плохо. Паша кричал, что они должны и аэродром от снега чистить, и в моторах копать, и всякое барахло грузить. Увидев подошедшего Северова он замолк, какое-то время осмысливал увиденное, а потом радостно закричал:

– Товарищ командир, сержант Шведов в ваше распоряжение прибыл!

Старшина поперхнулся очередной угрозой, но на Северова смотрел набычившись.

– Кто такой? – наконец сквозь зубы спросил он.

Это было явное хамство, не увидеть в Олеге старшего по званию было невозможно. В свое время Северов научился удару в живот, от которого противник почти с гарантией валил в штаны. Опыт пригодился. Соответствующий запах появился намного раньше, чем старшина обрел способность нормально дышать и говорить.

– Пошел вон, засранец, крыса тыловая!

Держась за живот, старшина на полусогнутых удалился, а летчик от души обнял Шпунтика и принялся расспрашивать его об остальных. Оказалось, что здесь же находятся Булочкин, Аверин, Винтик, Михалыч, Тарасюк, а также четыре летчика – Ларионов, Бабочкин, Баградзе и неизвестный Олегу Брянцев. Полк понес большие потери, его отправили на переформирование. А несколько летчиков и техников оставили для передачи материальной части новому полку. После этого их загнали в Кострому, видимо, по ошибке. Никаких следов их полка здесь не было, местное командование вяло интересовалось у вышестоящего, что делать с несколькими прибрлудными летчиками и техниками, и в ожидании ответа использовало их для затыкания дыр, которых всегда хватало. За этим разговором они зашли за ангар, и Северов увидел там остальных, отдыхающих после махания лопатами. После этого Олега чуть не задушили в объятиях. Внезапно к Северову бросился, отчаянно мяукая, здоровенный тощий серый котик. Валера! Олег подхватил кота и прижал к груди, тот ткнулся мордой ему в шею и завел что-то по-своему, по-кошачьи.

Когда наконец основные страсти улеглись, практичный Северов спросил у Петровича насчет их дальнейшей службы.

– Ждем неизвестно чего, – погрузился Булочкин. – Парни самолеты облетывают, мы тоже копаемся.

– Ждите здесь, сейчас все решу! Если кто будет права качать, говорите, что вы из 33 ИАП КБФ! Понятно?

И Олег бегом побежал искать Бармина. Комполка он застал выходящим со склада.

– Товарищ майор! Требуется ваше вмешательство!

– Что случилось? – удивился Бармин. – Чего бегаешь как сумасшедший? А кота куда потащил?

– Это мой кот, я его еще в 12-м полку потерял, а теперь нашел! Но я о другом. У нас ведь начальника БАО на новом аэродроме еще нет?

– Нет.

- А техников у третьей эскадрильи некомплект?
- Некомплект. Да что ты спрашиваешь? Сам же все знаешь!

– Алексей Викторович, я своих сослуживцев встретил. Командир БАО, старшина, командир роты охраны, три механика высшего класса, четыре летчика. Трех из них знаю, что надо летчики! А командир БАО просто золото, сто раз мне потом спасибо за него скажете!

- Ну пойдем, посмотрим на твоих сослуживцев.

Невзрачный вид людей Бармина не смутил, он задал несколько вопросов, удовлетворенно кивнул.

– Я тебе, Олег, верю. Так что сейчас пойду ваш вопрос решать с местным командованием, а вы собирайтесь в дорогу.

Бармин вернулся через полчаса, ему отдали всех нужных людей без особых проблем. Прежний полк, уже не 12, а 486 ИАП переформировали и направили куда-то далеко на юг, в нем сменилось руководство, его пополнили личным составом, и этих нескольких человек получил тот, кто проявил инициативу, – командир 33 ИАП КБФ майор Бармин.

Из разговора с друзьями Северов узнал, что Ларионов теперь лейтенант. Не расстреляли, не послали черт знает куда. Просто понизили в звании и отправили обратно на фронт. Игорь считал, что повезло. У него теперь одиннадцать сбитых лично и семь в группе, у Бабочкина семь личных и пять в группе, у Баградзе пять и пять, а у лейтенанта Севастьяна Брянцева восемь и четыре. Серьезные ребята! За прорыв из окружения на танке и спасение генерала Петровского Булочкин получил орден Красной Звезды, а Новоселов, Глазычев и Шведов – медали «За отвагу». Аверин после госпиталя попал в пехоту, командиром разведки дивизии. Просто оказался на тот момент лучшей кандидатурой, учитывая навыки прежней службы. В составе сводной полковой группы в октябре прикрывал отход частей 50-й армии, принял командование остатками группы, стоял насмерть, вышел из окружения со взводом бойцов – всеми, кто остался в живых. Награжден орденом Красного Знамени. Своих встретил, как водится, случайно, ожидая нового назначения. Вернулся, так сказать, в родные пенаты. Тарасюк за оборону Киева также получил медаль «За отвагу». Да еще Булочкин стал майором, Аверин – капитаном, Каха Баградзе – старшим сержантом, а Винтик и Шпунтик – сержантами. Вот такой расклад.

Всю дорогу до Бронниц Валера не слезал с рук у Северова, сидел в самолете, прижимая уши, тесно прижавшись. По прилете вновь прибывшие хорошенько помылись в бане, как следует поели и улеглись спать. Комполка распорядился их до утра не трогать, пусть люди отдохнут немного. А довольный как слон Северов вымыл и накормил Валеру. Сразу кормить его до отвала Олег побоялся, но ничего, теперь отъестся на хозяйских харчах! Когда кот уснул на его кровати, лейтенант отправился к командиру полка. Надо было позаботиться о машинах для новых летчиков.

– И какие мысли? – Бармин внимательно посмотрел на своего комэска-3. – Вижу ведь, придумал что-то!

– Так точно, придумал. Я в Костроме «Киттихауки» видел, их туда в ящиках привозят и собирают. Если дадут, то полная эскадрилья получится, десять машин.

Северов немного помолчал, чтобы дать начальству подумать, и добавил:

– Но это еще не все.

«Кутить так кутить!»

– Я там еще кое-что нашел. Помните, я об АСС говорил, авиационной спасательной службе?

– Помню, и что?

– Я там видел Lockheed A-28 Hudson. Стоит без дела пока, не знают, куда его пристроить. Для транспортного самолета он маловат, для боевого – слабо вооружен. А вот доставить отделение спасателей и вывезти сбитого летчика – в самый раз!

– Подожди! Как у тебя просто все! Кто нам его отдаст?

– Да отдадут, если попросить. Я узнавал. А командовать АСС может Аверин, если включить ее в состав роты охраны отдельным взводом. Он дело знает, бывший разведчик, как и Булочкин.

– Ты подожди, не части! Тут обдумать надо, – вмешался Трегубов.

– Надо технику себе заграбастать успеть, – неожиданно поддержал Олега Волк. – Я в Костроме знаю кое-кого, давай, командир, я слетаю!

Бармин на несколько секунд задумался, а потом махнул рукой:

– Хорошо, Василий Иванович, только с начальством свяжусь. Я, если честно, сам уже этой идеей загорелся. А с тебя, – повернулся он к Северову, – все основные документы по АСС! Ты говорил как-то, что вы с Ларионовым эту тему еще летом обдумывали, вот и работайте!

Олег был воодушевлен до крайности. Пошла удача, о которой он и не мечтал. Нашлись друзья, командование полка схватывает нововведения на лету. Ну, здесь ничего удивительного нет. Бармин, Волк, Трегубов, Каменев повоевали немало, до чего сами не догадались – оценивают правильно. Да и летчики в полку все тертые. Эх, времени бы побольше на учебу, но ведь его всегда не хватает...

Чтобы получить «Киттихауки» для новых летчиков, потребовалось согласование со штабом ВВС ВМФ, Бармину и Волку пришлось слетать в Москву, чтобы получить его, но дальше дело двинулось быстро. Начальник штаба вылетел в Кострому прямо из Москвы и через пару дней вернулся обратно.

А еще через три дня сразу за Волком прибыли два подполковника – из штаба ВВС Брянского фронта и авиатор из наркомата ВМФ. Скоро полк должен перебазироваться на фронт, они хотели оценить его готовность. Увиденное их удовлетворило. Настоящим сюрпризом для Северова стали изданные (!) наставления для командиров частей ВВС с изложением новой тактики воздушных боев. Представитель наркомата ВМФ отметил, что командование полка уже внедрило новые разработки, что не может не радовать. Поэтому полк признается готовым к боевой работе и в ближайшее время будет перебазирован и передан в распоряжение Брянского фронта.

А еще через четыре дня прибыли четыре «Киттихаука» для новых летчиков и «Хадсон». За это время Аверин с Булочкиным сформировали не только роту охраны, но и взвод АСС. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, пришло очень хорошее пополнение из Сибири и Дальнего Востока, молодые мужчины, хорошие следопыты и стрелки, кое-кто даже с боевым опытом Халхин-Гола и Хасана. Во-вторых, Олег Петрович обладал целым рядом ценных качеств, среди которых было умение договариваться. Он мог и мертвого уговорить, так что сумел убедить работника штаба Западного фронта выделить ему из запасных полков десяток солдат (сколько под это дело пришлось выпить, история умалчивает).

Командование полка уже в полной мере оценило Новоселова, Шведова и Глазычева, Бармин был ими очень доволен. А потом Ларионов и его звено облетали новые самолеты, они их успешно осваивали.

Булочкин и Тарасюк убыли на новое место базирования, аэродром восточнее Мценска, километрах в тридцати от линии фронта, с ними уехала рота охраны. А в полку появился новый инженер. Штатного не было, работал временный человек, который откровенно тяготился возможным назначением и последующей за этим отправкой на фронт. Его наконец отозвали обратно, в свой запасной полк, вместо него прибыл немолодой уже военинженер 3 ранга Кузнецов, небольшого роста, с внушительной лысиной и тонкими усиками. Петр Иванович человеком был тихим и вежливым, каким-то совсем невоенным, но дело свое знал превосходно. Он тут же взял в оборот весь технический состав. Сам очень аккуратный, он не просто требовал этого от подчиненных, но и создавал условия. Всегда была теплая вода, чтобы технари могли нормально помыться, вовремя проводились уборки, запчасти, крепеж и прочие железки больше не валялись где угодно, а складывались в нужных местах. Кроме того, он

оказался хорошим педагогом и наладил обучение технического состава, деятельное участие в котором принимали Новоселов, ставший правой рукой инженера, и, как ни странно, Винтик и Шпунтик. Ребята здорово выросли как технические специалисты под неусыпным присмотром Михалыча и теперь могли многому научить других, что и делали. Кузнецов всех троих очень хвалил. Командование полка было своим инженером чрезвычайно довольным, а Северов подумал, что эти двое с Булочкиным друг другу очень подходят.

Наконец 12 апреля полк начал перебазирование. Бармин в свое время, как только узнал о решении передать полк Брянскому фронту, сразу поставил вопрос о хорошем зенитном прикрытии неизвестного пока нового аэродрома. К его некоторому удивлению, его просьба никакого неудовольствия у командования ВВС фронта не вызвала. Более того, в штабе его выслушали и ответили, что иначе и быть не может.

Лететь было не очень далеко, менее трехсот километров. Вылетали поэскадрильно, последним ушел «Хадсон». Автоколонна с техникой уехала еще два дня назад под командой Кузнецова, с ними отправился и комиссар полка Арсений Арсеньевич Каменев. Он немало удивил Бармина, да и всех в полку, когда объявил, что будет летать в качестве пилота на «Хадсоне». Пилотировал он превосходно, опыт полетов на «ПС-84» имел огромный, так что в его способностях никто и не сомневался. Он не был истребителем и, в силу возраста и имевшихся привычек к транспортным самолетам, стать им уже не мог. Но нашел себя в другом! И это только повысило его и так немалый авторитет.

Перелет прошел спокойно, «гансы», по словам представителя штаба ВВС фронта, почти не летали. Похоже, что копили силы перед активными действиями, которых было не так и долго ждать. По прогнозам командования, в последней декаде мая противник должен активизироваться и попытаться переломить ход войны.

Севший одним из первых Бармин с удовлетворением увидел внушительное зенитное прикрытие аэродрома. Шесть 37-мм, а также четыре 85-мм орудия. А на небольшом возвышении у границы аэродрома стоял радиолокатор РУС-2с «Пегматит»! Для размещения штаба и основных служб были подготовлены полуземлянки, сухие и просторные. Летный и технический состав разместились в бараках, для самолетов были готовы капониры. Все это было хорошо замаскировано, кружившие перед посадкой над аэродромом легчики объектов не видели и с удивлением обнаруживали всю инфраструктуру уже после посадки. А Северов отметил очень грамотно организованную охрану, а ведь много чего он, естественно, и не увидел. Булочкин был, как всегда, на высоте, за что и получил благодарность от командира полка. А за обедом все смогли оценить новую организацию питания. Кормить стали намного лучше и вкуснее. Окончательно добил Бармина старшина Тарасюк. Он пришел после обеда в сопровождении высокого солдата лет тридцати пяти и принес новые английские меховые сапоги вместо старых унтов.

– Ваши унты, товарищ майор, того и гляди каши запросят. А тут союзники нам помощь оказали. Размер ваш, я проверял. И еще, рядовой Сакс теперь ваш ординарец. Зовут Бруно, эстонец он, хотя всю жизнь под Ленинградом прожил. Как у Христа за пазухой будете!

К такой заботе майор не привык, но возражать не стал. Ему вообще очень нравилось то, что происходило в последнее время в полку. Уровень выучки личного состава заметно вырос, с приходом Булочкина и Кузнецова вспомогательные службы стали работать заметно эффективнее, появились интереснейшие нововведения – РЛС для управления и АСС. В штабе уже стоял планшет для отражения воздушной обстановки, штабные работники под чутким руководством Леши Бабочкина осваивали новое дело. Да, Алексей свое увлечение не забыл и много думал над этим вопросом, так что оказался готов разбираться уже на практике. А Игорь Ларионов оказал большую помощь Северову в организации АСС, тоже обдумывал это дело с тех пор.

Полк подчинялся непосредственно командующему ВВС фронта, поэтому Бармин сразу поехал представляться генерал-майору Острякову. Вернулся он на следующий день, но не один, а с двумя автожирами ЦАГИ-А7.

– Вот такая история, – рассказал он своим подчиненным. – Увидел я у них эти штуки, заинтересовался, что за зверь такой, их летчики рассказали. Меня сразу осенило, вот бы нам в спасательную службу такие! Автожир ведь сядет туда, где даже У-2 не рискнет, проверено! В общем, убедил командование их мне отдать.

– Вот так запросто и отдали? – по поводу доброты начальства Трегубов был настроен очень скептически.

– Ну нет, конечно, – махнул рукой Бармин. – С ними инженеры из КБ прибыли, отчеты писать будут, а мы должны все оформить как фронтовые испытания. Но это ерунда все, подумаешь, бумажки. Главное, для нашего дела они очень полезны могут оказаться!

С этим согласились все.

Кот Валера проделал путь до нового места с Михалычем. Он уже основательно отъелся и даже обзавелся приятелем. У Георгия Георгиевича Трегубова тоже был кот. Васисуалий Михайлович был небольшим кругленьким черно-белым котиком, спокойным и ласковым. Трегубов боялся, что если Валера до него доберется, то просто разорвет на части, настолько тот был огромным по сравнению с Васисуалием. Но коты неожиданно подружились, охотно вместе играли и совсем не дрались. А по приезде на новое место Валера спас Васисуалия от посягательства аборигенов. К аэродрому заявила пара местных котов, наглых и опытных в драке. Небольшому Васисуалию пришлось бы совсем плохо, но Валера подоспел вовремя. От ударов его лап коты разлетелись в разные стороны, после чего Валера стал уничтожать их поодиночке. С трудом вырвавшись, неприятель позорно бежал с поля боя, несмотря на численное преимущество.

Днями было тепло, снег растаял, и аэродром раскис. Но грамотный Булочкин подобную ситуацию предвидел, поэтому бойцы прокопали под его руководством канавки, которые и отводили лишнюю воду в ближайший овраг. По ночам изредка подмораживало, а на случай полного раскисания у Петровича был приготовлен импортный металлический настил, который он углядел еще в Костроме и выбил для полка. Его и использовали.

В течение трех дней освоили район, сдали зачеты штурману полка, более-менее разобрались с использованием «Пегматита».

Первым заданием было прикрытие двух девяток Ар-2, летевших на бомбежку разведанного места сосредоточения танкового подразделения противника. От линии фронта было недалеко, километров тридцать, так что «Пегматит» видел вражеские самолеты задолго до их появления перед формацией наших пикировщиков. Первая эскадрилья шла в непосредственном прикрытии, а третья по наведению с земли перехватила две четверки «Мессеров» задолго до того, как те увидели объект атаки. Третья изначально шла с превышением, поэтому немцы, не имеющие локатора, о них просто не знали. И заметили, когда две последние пары в каждой четверке разлетелись огненными брызгами. Оставшиеся две пары попытались вывернуться, но напоролась на «Харрикейнов» первой эскадрильи. Двенадцать пулеметов для «Мессера» вполне достаточно, еще два ганса отправились к земле. Оставшиеся два «Мессера» имели в принципе шанс уйти, если бы просто попытались оторваться без всякого маневрирования. Но они полезли вверх, а там их уже ждали. Итого – оба в землю. Нападать на отходе немцы не решились, так как Бармин поднял в воздух всю вторую эскадрилью для прикрытия. Вылет признали удачным. Северов и Железнов записали по два «Мессера», Бабочкин, Баградзе, Соколов и Воронин – по одному.

Активность немецкой авиации была невелика, они придерживали силы для летнего наступления, когда поддержка Люфтваффе будет определять успех действий наземных войск, это было понятно. Но совсем не реагировать на действия советских авиаподразделений немцы

не могли, поэтому воздушных боев хватало. В ходе этих боев определились их главные для летчиков 33-го полка особенности. Основной самолет, «Харрикейн», очень сильно уступал «Мессершмитту» по характеристикам. Проигрывал в скорости, проигрывал в маневре. Залп из двенадцати пулеметов накрывал противника, как из душа, но сбить вражеский самолет было делом непростым. Особенно «Юнкерс-88» или «Хейнкель-111». Явно требовались крупнокалиберные пулеметы и пушки. Поврежденных было много, но сбивать удавалось гораздо реже. Основная доля сбитых летчиками первой и второй эскадрильи приходилась на «штуки», Ю-87.

«Киттихауки» также были недостаточно маневренны, но более живучи и лучше вооружены. Северов был категорическим противником увлечения маневренными боями. В условиях, когда противник обладает подавляющим техническим преимуществом, он сам будет выбирать, когда заканчивать бой, да и когда начинать, – чаще всего тоже. В таких условиях ни к чему, кроме лишних потерь, такая тактика не приведет. Наличие радара позволяло быстро наращивать силы в нужном квадрате либо избегать встречи с вражескими самолетами. Летчики полка рвались в бой, и командованию полка, которое прекрасно все понимало, стоило определенных усилий убедить своих подчиненных в том, что важнее не сбить как можно больше вражеских самолетов и героически погибнуть самим. Важнее выполнить задание, сохранить прикрываемые бомбардировщики и штурмовики, сохраниться самим, чтобы воевать дальше. А сбить лишний самолет и сгинуть – это никакая не помощь Родине, это переложение тяжести дальнейшей борьбы на других. Гораздо хуже обученных, кстати. Другое дело, что иногда приходилось делать так, как не надо. Втягиваться в маневренные бои с превосходящими силами противника, пилотировать до потемнения в глазах, выстреливать все до последней железки, сжигать все топливо до капли. В таких делах полностью выкладывалась именно третья эскадрилья, умение ее пилотов и качество самолетов давали гораздо больший шанс на успех, чем у других эскадрилий. Вторая гусарская забава стала своеобразным кредо третьей эскадрильи. Надо сказать, что все это понимали, уважение со стороны других летчиков и наземного персонала было совершенно искренним. И никто из летчиков третьей ни разу не позволил себе снисходительного или высокомерного отношения к другим. Кому больше дано, с тех и спрос больше.

Третьей эскадрилье пока удавалось избежать потерь. Повреждения самолетов были, но техники их исправляли, и самолеты снова поднимались в воздух. Командование полка отдавало себе отчет в том, что только отсутствие концентрации немецкой авиации позволяет сохранять личный состав. Бармин вел бесконечные переговоры со штабом ВВС фронта, настаивал на перевооружении полка более современными истребителями. В штабе все и сами прекрасно понимали, но возможности пока не имели. Командование фронта отдавало себе отчет в уникальности полка и обещало перевооружить в первую очередь. А пока воевали на том, что есть.

Очень выручала АСС. Взвод осназа был великолепен. Булочкин с Авериным умудрились найти двух якутов, которые стали во взводе снайперами. Стреляли они просто фантастически, при этом были чертовски выносливы и терпеливы, прекрасно маскировались. Их учили рукопашному и ножевому бою, ребята схватывали быстро. Одному, Степану, было двадцать пять лет, другому, Василию, двадцать семь. Третий снайпер, Тимофей, был степенным тридцатипятилетним мужчиной, из забайкальских казаков. Учен с детства отцом и дедом, затем в армии. Пулеметчики тоже были далеко не рядовые. Гоняли их Петрович с Денисом от души. Зато если случался боевой выход, что не было редкостью, говорили потом, что на тренировках приходится тяжелее. А прикрывали «Хадсон» с осназом летчики третьей эскадрильи. Дополнительным бонусом для ее летчиков стало увеличение количества сбитых ими вражеских самолетов. И если сбитые у первой и второй нередко были бомбардировщиками, в большинстве Ю-87, то на долю третьей чаще приходились истребители. И после каждого боя Северов тщательно проводил разбор. К этому уже все привыкли, проходили они быстро и эффективно.

В течение апреля бывало всякое. Три раза сбитых за линией фронта летчиков удалось вывезти на «Хадсоне», местность позволяла. Четыре раза вывозили на автожирах. Отделение осназа десантировалось, находило сбитого летчика и, отбиваясь от ищущих летчика немцев, уходило в квадрат, где их забирал «Хадсон». Удивительно, но потерь среди осназовцев не было. Раненые были, а вот убитых не было. И не в одном везении дело. Тут как у Суворова: раз везение, два везение, а где умение? Умение было, и воздушное прикрытие было. И был конкурс на замещение раненых осназовцев из роты охраны. Это считалось признанием умений и заслуг, попавшие в осназ из роты охраны гордились этим, словно медаль получили.

В последний день апреля случилась у третьей эскадрильи очередная, вторая гусарская забава. Прикрывали отход штурмовиков, первая и вторая выложились полностью, израсходовали и так невеликий боезапас – немногим более трехсот патронов на ствол. А радар показывал, что на подходе новые вражеские истребители, по два звена подходили с разных сторон. Встретились прямо над линией фронта, десять против шестнадцати. И тут Северов удивился – одна из восьмерок была Focke-Wulf Fw-190! Насколько Олег помнил, появились они на Восточном фронте намного позже. К счастью, восьмерки «Фоккеров» и «Мессеров» подошли не одновременно, поэтому немцев удалось отсечь от уходящих штурмовиков и прикрывающих их «Харрикейнов». Против «Фоккера» у «Харитона» шансов минимум, каким бы опытным ни был пилот, тем более что немецкие летчики новичками не были. Когда подошли «Мессеры», третья уже вовсю хорошилась с «Фокке-Вульфами». «Гансы» попались наглые, видимо, новички на нашем фронте. За это и поплатились. Полезли наверх, а там их встретила четверка Ларионова. Один «Фоккер» повалился к земле огненным клубком, другой потянул на свою территорию, его не преследовали, не до того – в свалку включились «Мессеры». Самое время было отрываться и уходить самим, но «гансы» такой возможности пока не давали. Хуже всего пришлось, естественно, нижнему звену. Самолеты Воронина и Хомякова вышли из схватки, они были сильно повреждены и держались в воздухе только благодаря упорству и мастерству пилотов. У Ромы в крыльях зияли огромные дыры, левый элерон практически оторван. У Вадима мало что осталось от хвоста. Ребята пошли на вынужденную на нашей территории, надеялись, что машины можно будет эвакуировать и отремонтировать. Но их отход и посадку надо было прикрыть. Ребята Ларионова парами пикировали сверху, наносили удар и уходили обратно на высоту. Ввязываться в маневренный бой Олег категорически запретил. Свалились, клюнули, ушли на высоту, только так. Иначе схарчат. Зато мешали «гансам» свободно маневрировать, выбирая удобный момент для атаки. Тем постоянно приходилось следить за ними и уклоняться от атак. Удалось не всем. Сбили одного «Мессера» и повредили еще двоих. А отдувалась за всех пара Северов – Железнов. Соколов и Журавлев свою задачу выполнили, не сбили пока ни одного, но повредили троих, те тоже ушли обратно. Теперь против восьми машин третьей эскадрильи осталось восемь «гансов». Северов приказал Соколову и Журавлеву отрываться, что они и сделали, завалив на прощанье «Мессер». Все-таки шесть крупнокалиберных пулеметов – это серьезно. Если попало хорошо, то повреждения будут очень тяжелыми. А Антоша всадил очередь прямо в кабину. Ларионов насел сверху, не давая оставшимся немцам преследовать звено Соколова, а пара Северова закрутила с оставшимися семью новый смертельный хоровод. У немцев стали заканчиваться боеприпасы, а у наших запас еще был! В результате приземлили троих, один из них пытался уйти, его даже не преследовали, но уже над своей территорией вдруг перевернулся через крыло и врезался в землю. Итог – 6:2, причем наши живы и машины повреждены, но есть шанс отремонтировать. К тому же у немцев еще шесть оказались повреждены, неизвестно, как долетели.

Все остальные машины третьей эскадрильи тоже оказались повреждены, хотя и дотянули до своего аэродрома. Пилоты тоже пострадали, хотя серьезных ранений удалось избежать. Журавлеву осколок пробил сапог и вонзился в икроножную мышцу. Олегу пуля скользнула по правому боку, царапина глубокая, до ребра, но это пустяки. Вскоре ребята из АСС привезли

Воронина и Хомякова, выжатых как лимон, но живых и почти здоровых. Хомякову прострелили правую руку, он с трудом посадил машину, управляя в основном левой. Все живы, это главное.

Всех раненых перевязали, после чего Северов собрал эскадрилью на лавочках около медчасти для разбора последнего боя. Прикидывали и так и эдак, но сошлись на том, что грубых ошибок никто не совершил, потому и безвозвратных потерь нет. Обратили внимание на то, что самолеты у немцев значительно превосходили ранее встречавшиеся по своим характеристикам. Северов «предположил» (точнее, знал наверняка), что это новая модификация «Мессершмитта» и не встречавшийся ранее на Восточном фронте «Фокке-Вульф-190».

Командованию полка было сразу доложено о встрече с новыми вражескими машинами, начальник штаба с отделением АСС отправился осматривать места падения немецких истребителей на нашей территории. Вечером, вернувшись с шильдиками, Волк доложил, что Северов не ошибся. «Мессеры» оказались новой модификацией, Me-109G (Густав), а другие самолеты – Fw-190 A-2. Подробный рапорт ушел наверх незамедлительно.

Следующий день ознаменовался появлением в полку представителя Главного политуправления РККА. Каково было удивление Северова, когда в этом представителе, важно вылезшем из ПС-84, он узнал старшего батальонного комиссара Кольского. Лева разъялся, стал объемист, как бочонок, физиономию не каждой тарелкой накроешь. На роскошном кителе сиял «Большой Концертный Зал». Дополняла образ и делала его откровенно комическим маленькая кобура пистолета ТК, которая на объемистом чреве Левы смотрелась игрушечной. Любоватьсялевой не было никакого желания, поэтому Олег на правах раненого удалился. Впрочем, Кольский его тоже заметил. Через некоторое время возникла какая-то суета, полковой врач Карен Барсегян рысью умчался в сопровождении медбрата Аристарха, вернулся примерно через час и рассказал, давясь от смеха, об очередном «подвиге» товарища Кольского. Оказалось, что Лева взгромоздился на крыло только что притащенного «Киттихаука» Вадика Хомякова, чтобы сфотографироваться. Фото на фоне побитого истребителя должно было выглядеть особенно героически. Накладочка вышла. Лева поскользнулся и навернулся с крыла, подвернув ногу, и был унесен в свой ПС-84 как древний спартанец на щите с поля битвы. Карен обладал несомненными артистическими задатками, живописал в лицах весь процесс, все хохотали до упаду.

Запланированный митинг не состоялся.

Раны у ребят заживали успешно. Карен диву давался, насколько быстро затягивается рана у Олега. Уже через три дня Северов вовсю летал. Вскоре доктор отпустил и Журавлева. Вадик пока оставался под его наблюдением.

Очередное заседание Ставки подошло к концу. После заседания остались Жуков, Василевский и Петровский. Был приглашен также Дмитрий Федорович Устинов. Сталин хотел знать, как зарекомендовали себя нововведения – новая тактика, по поводу которой писали свои докладные записки Петровский и Снегов, и новая техника, первые образцы которой стали поступать в войска Брянского фронта.

– По новой технике. На фронтовые испытания поступили всего несколько образцов, но даже их испытания еще не завершены, окончательные выводы делать рано. А предварительные таковы. На базе танка Т-70 товарищем Астровым разработана самоходная артиллерийская установка СУ-76. Масса 16 тонн, двигательная установка от базового танка, моторно-трансмиссионное отделение сзади. Лобовая плита толщиной 60 мм имеет наклон 60 градусов, что обеспечивает неплохую защиту от вражеских снарядов. Вооружена пушкой ЗиС-3. Первые впечатления самые положительные, но необходимо подождать окончания испытаний.

– Базовый танк весит в полтора раза меньше, – задумчиво сказал Сталин. – Маневренность машины вопросов не вызывает?

– Оценена как достаточная. Изделие имеет модернизационный потенциал, – ответил Устинов. – Товарищи с завода № 75 все-таки довели до ума свой В-4, он рассматривается для установки на СУ-76. Также на нее можно будет поставить новую мощную 76-мм пушку, разработка которой на основе зенитки должна завершиться летом. На этом шасси будут создаваться и другие самоходки, в частности товарищ Астров планирует зенитные установки и противотанковую САУ с орудием еще большей мощности. Кстати, ему переданы все наработки по Т-50, к нему в КБ перешла и часть специалистов из бюро 174-го завода. Задумки у них обширные, но это отдаленная перспектива. Товарищ Шапошников знаком с его докладной запиской и оценивает ее положительно.

Сталин кивнул, но вдруг сменил тему разговора и перевел взгляд на Василевского.

– Я надеюсь, что вы бережете здоровье Бориса Михайловича и не утруждаете его чрезмерно. Ему необходимо время, чтобы восстановить силы после операции.

Сразу после Нового года Верховный Главнокомандующий настоял на лечении маршала, после проведенного тщательного обследования ему была сделана операция. Сталину доложили, что вместо предполагаемой язвы желудка была обнаружена опухоль, но, похоже, болезнь была в начальной стадии. Сейчас Шапошников восстанавливался после тяжелой операции, и Сталин следил, чтобы его не перегружали работой. После кивка хозяина кабинета Петровский продолжил:

– Новая противотанковая пушка М-42 на базе 53-К очень хорошо себя показала, идет подготовка к ее серийному производству взамен предшественницы.

– Производство на 172-м заводе планируется развернуть к июню, – сказал Устинов, заглянув в свои бумаги. – Также максимально ускорены работы над малокалиберными зенитными пушками. Предпринимаются попытки наладить серийное производство 72-К, подключился 88-й завод, ведется работа над спаренным вариантом. После окончания работ по 30-мм авиационной пушке на ее основе будет создаваться зенитная установка. Еще по бронетехнике. На базе Т-34 разработан инженерный танк-мостоукладчик, испытания проводятся на Брянском фронте.

– Учен опыт проектирования прежних машин этого класса, поэтому отзывы положительные, – кивнул Петровский.

– Да, проблема в налаживании выпуска, пока важнее боевые машины, – продолжил Устинов. – Работа над новым средним танком продолжается, но окончание ее примерно через полгода.

– По данным разведки, – добавил начальник Генштаба, – немцы усиливают броню своих троек и четверок, а также увеличивают мощность их орудий. Появление танков нового поколения ожидается примерно через год, но это, конечно, очень приблизительные сроки. В любом случае завершить их разработку и наладить серийное производство они раньше начала 1943 года не смогут.

Сталин кивнул:

– Я знаком с докладной запиской по этому вопросу, а что у нас? Каковы перспективы по бронетанковой технике на сегодняшний день? Обрисуйте картину в целом, а не по отдельным моделям!

Присутствующие быстро переглянулись, и отвечать стал Василевский:

– Работы ведутся в следующих направлениях. Первое, собственно танки. Через полгода в серийное производство пойдет модернизированный Т-34. Основное отличие от выпускающихся сейчас машин – новая башня с командирской башенкой и более мощная пушка С-54. Проводятся также работы по усовершенствованию двигателя и трансмиссии. Разработка нового среднего танка будет завершена в конце года. Отличие от Т-34 буквально во всем – поперечное расположение более мощного дизеля, торсионная подвеска, более толстая броня и мощная пушка. Рассматриваются 85-мм орудие на базе зенитки и 100-мм. Окончание работ

по тяжелому танку – первое полугодие 1943 года, но пока нет окончательного проекта, предполагать сроки постановки на конвейер очень трудно. Да, с очень интересным предложением выступили товарищи из КБ завода № 9. Они в инициативном порядке работают над гладкоствольным противотанковым орудием большой мощности. В принципе оно будет пригодно и для установки на танк, но это очень отдаленная перспектива, задел на будущее. Далее, самоходные артиллерийские установки. Чтобы определиться с их разработкой, необходима их четкая классификация. Помогли товарищи из Академии им. Ворошилова. Итак, штурмовые орудия. Проектируются САУ со 122-мм гаубицей М-30 на базе Т-34 и 122-мм пушка А-19 и 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 на базе КВ. Последние могут использоваться и в качестве противотанковых. Противотанковые САУ. Разрабатываются с 85-мм и 100-мм орудиями на базе Т-34, к ним относится также уже упомянутая СУ-76. Окончание работ – четвертый квартал текущего года, кроме СУ-76. Зенитные САУ. На новом шасси СУ-76 проектируются 37-мм установки с 61-К, в том числе спаренные, и 25-мм спаренные и счетверенные с 72-К. И собственно самоходная артиллерия, те же А-19 и МЛ-20, а также М-10. Но это также отдаленная перспектива, для них пока не готово даже шасси. Таким образом, в этом году в войска поступят СУ-76 и модернизированный Т-34. Надеемся, что в конце года пойдут зенитные установки. В первом полугодии 1943 года должны появиться штурмовые орудия. По остальным образцам о сроках говорить рано даже приблизительно.

– А что, у нас не было четкой классификации САУ? – несколько удивленно спросил Сталин.

– Наибольшее внимание уделялось танкам. Ведь на начало войны у нас не было ни одной серийной самоходки, одни опытные образцы, – развел руками Василевский. – А классификация предполагает требования, так что работа проведена важная и нужная.

– Хорошо, продолжайте, товарищ Устинов.

– По авиации я также ориентируюсь на справки соответствующих наркоматов. Производство ШКАС сворачивается, переориентируемся на крупнокалиберные пулеметы. На базе УБ разработана пушка Б-20, которая легче ШВАК почти в два раза, запускаем в серию. Испытания ЛаГГ-5 с мотором М-82 проведены, устраняются выявленные недостатки, запуск в серию запланирован на июнь. Товарищ Климов завершил работу над своим новым мотором мощностью 1500 л. с. и налаживает его производство. КБ Яковлева представило новую модификацию своего истребителя с этим двигателем, называется Як-1Б. О крупносерийном выпуске речи пока нет, поэтому ими будет укомплектовано несколько авиаполков.

– Мы посчитали, что передавать такую технику россыпью в обычные авиачасти нерационально. Первыми их получают гвардейцы, причем на весь полк сразу, – подключился Василевский.

– Су-2 в варианте пикирующего бомбардировщика зарекомендовал себя очень хорошо, – продолжил нарком вооружений. – Мощное вооружение, броня, неплохая скорость и боевая живучесть. Ил-2 с двухместной компоновкой значительно превосходит свой одноместный вариант, потери от атак истребителей ощутимо снизились. Ту-2 также очень понравился, испытания завершены успешно. Летчики ждут эту машину. Испытания нового истребителя Поликарпова также завершаются. Пе-2 с новыми двигателями имеет превосходные характеристики, но есть нюансы. Все больше специалистов склоняется к мнению, что переделка тяжелого истребителя в пикирующий бомбардировщик не удалась. Имеет смысл вернуться к его истребительному прошлому, а роль пикировщика пока будут исполнять Су-2 и Ар-2. Последний является самолетом с очень неплохими данными, но это самолет прошлого поколения. Его использование считаем целесообразным до насыщения войск Ту-2, но, учитывая текущую ситуацию, произойдет это не скоро. Сейчас в серии только Су-2, ожидаем двухместный Ил-2 через пару месяцев. По остальным машинам очень многое зависит от двигателей, вернее от их запуска в серийное производство. По стрелковому оружию. Для автоматов ППШ разработан

коробчатый магазин емкостью 35 патронов, фронтовикам он понравился, налаживаем выпуск. Товарищ Судаев завершает работу над своим пистолетом-пулеметом, который очень прост и технологичен в производстве. Испытания будут проводиться в войсках Ленинградского и Брянского фронтов. Товарищ Владимиров получил задание на 14,5-мм пулемет, он использует задел по проектированию авиапушки, планируемый срок изготовления опытного образца – декабрь этого года. Ведутся работы над единым пулеметом по типу немецкого МГ-34, но пока похвастаться нечем, конкурсные испытания запланированы на четвертый квартал текущего года. Также на фронтовые испытания поступил противотанковый гранатомет, разработанный в ракетном институте на основе РС-82, но он нуждается в значительной доработке, хотя оружие очень интересное и перспективное. И последнее. Хочу выразить удовлетворение работой Комиссии по техническому перевооружению армии, координация действий и обмен информации между наркоматами значительно улучшились.

Сталин ходил по кабинету молча. Обычно он задавал много вопросов, а новую технику обсудить вообще любил, но в этот раз только кивнул головой и взглянул на командующего Брянским фронтом.

– По новой тактике, – Леонид Григорьевич старался быть предельно кратким и конкретным, – штурмовые инженерно-саперные подразделения зарекомендовали себя самым лучшим образом. Мы отработали их применение, когда проводили частные операции по выравниванию линии фронта и захвату выгодных позиций. В целом удалось несколько сократить протяженность линии боевого соприкосновения и, что более важно, создать глубоко эшелонированную оборону на наиболее важных участках, подготовиться к летнему наступлению противника. Заслуживает внимания опыт 33-го истребительного полка КБФ по применению радиолокатора для управления и отображения воздушной обстановки. Используя радиолокатор и современную истребительную тактику, полк показывает высокую боевую эффективность и низкий уровень собственных потерь. И это при том, что на вооружении у них состоят «Харрикейны», по всем статьям уступающие современным немецким самолетам. Сейчас они работают над созданием авиационной спасательной службы, для этого им выделены два автожира и поставленный по ленд-лизу единственный экземпляр самолета Локхид «Хадсон». Что касается нового Боевого Устава пехоты, то можно однозначно сказать – его требуется немедленно внедрять повсеместно. И максимально насыщать войска современными средствами связи! Связь – основа управления.

– Спасибо, товарищ Петровский. А что же вы не рассказываете, как товарищ Жуков гранатомет испытывал?

– Товарищ Сталин! Это случайность, от которой на войне никто не застрахован! – Жуков был несколько смущен. – Зато убедился, что подбить танк из гранатомета вполне реально.

– Танк из гранатомета подбить реально. Это и без вас понятно. А вот то, что мой заместитель вынужден из гранатомета по танкам стрелять и вражескую атаку отбивать, как простой лейтенант, вот это никуда не годится!

– Товарищ Сталин! Кем бы я был, если бы при возникновении опасности от врага бегал! Я уж не говорю об авторитете как генерала, а как заместителя Верховного Главнокомандующего лучше бы я там в земле остался, чем побежал!

Сталин вздохнул:

– В вашей личной храбрости никто никогда не сомневался. Но в следующий раз при посещении переднего края учтите, что ваша жизнь намного более ценна, чем вражеский танк.

– Эффект получился неожиданным, – вмешался Василевский. – Мало того, что атакующий силами около батальона противник был уничтожен в рукопашной схватке. Командир полка быстро сориентировался и атаковал неприятеля, на его плечах ворвался в первую линию окопов и захватил ее с минимальными потерями. А товарищ Жуков своей властью отдал необ-

ходимые распоряжения, поддержал инициативного комполка, благодаря чему важный опорный пункт немцев был взят.

– Где представление?

Петровский подал лист бумаги, Сталин прочитал и кивнул:

– Ордена Красного Знамени достоин безусловно. И вообще, присмотритесь к этому майору, товарищ Петровский, возьмите на заметку. Если будет и дальше так же успешно действовать, выдвигайте на дивизию. Не стесняйтесь выдвигать талантливых командиров, нам с ними эту войну заканчивать! И еще один момент. Учтите сами и передайте товарищу Лестеву, что линию по минимизации потерь, по бережному отношению к личному составу необходимо проводить с максимальной жесткостью. Если командир любого уровня не бережет своих подчиненных, если из-за его неправильных действий личный состав несет неоправданные потери, решительно освобождайте таких людей от командования. Если есть предпосылки, передавайте дело в трибунал. Только строго следите за тем, чтобы никто не переусердствовал, за соблюдением законности. А то тут Мехлис опять развернулся, военная прокуратура на него жалуется! Не перегибайте палку, досконально разбирайтесь с каждым случаем.

Иосиф Виссарионович любил время от времени устраивать рокировки командующих фронтами, но действиями Брянского фронта был очень доволен, поэтому, в своей манере, просто прирезал приличный участок с севера, передав в состав фронта 50-ю, 10-ю и 16-ю армии. Петровский понимал, что определенная логика в этом была. Сталин наперед готовил позиции для разгрома группы армий «Центр» и ликвидации бородавки Ржевского выступа.

Глава 3

День 10 мая начался как обычно. Первый вылет на перехват вражеских бомбардировщиков третья эскадрилья провела в полном составе, сбили немного, одного «Хейнкеля-111», но еще двух повредили, как и двух «Мессеров» из прикрытия. Главное, сорвали налет на станцию Горбачево, а с учетом того, что истребителей в прикрытии было больше, чем нападающих, результат неплохой. Безвозвратно никого не потеряли, но три «Киттихаука» нуждались в ремонте. Действия противника показались Северову очень вялыми, вспомнился недавний разговор в штабе. Бармин недавно поделился услышанным в более высоких инстанциях, что противник сдулся, выучка упала и все такое. Олег так не считал, немецкий солдат весны – лета 1942 года был молод, умел и в свою победу верил. А вот вводить в заблуждение, демонстрировать слабость, чтобы потом вломить с полной силой, это вполне возможно. Для не обладающих, в отличие от него, послезнанием, версия о слабости противника была очень приятна и желанна, но получивший недавно партбилет Северов усилия политорганов представить врага в дурацком свете не одобрял и не скрывал этого. Выдавать желаемое за действительное с последующим горьким разочарованием смысла не имело. А вот неудовольствие полкового комиссара из политуправления фронта он получил, пока в устной форме.

С учетом предыдущих боев третья эскадрилья располагала теперь всего четырьмя самолетами, так что во второй вылет пошли всего две пары – Северов – Железнов и Соколов – Журавлев. Задание было, на первый взгляд, самым тривиальным: патрулирование в заданном квадрате. Такие задания Олег не любил, толку от них было мало, но делать нечего, РЛС не работала, обслуга, тихо матерясь, бегала как укушенная, но раньше следующего дня не обещали при самом лучшем раскладе. У немцев радара тоже не было, радиоразведка доложила о переговорах охотников, но определить их местоположение не удалось, проболтались в воздухе и, как в одном мультфильме про хомяка и суслика, никого не встретили. До конца работы оставалось всего четверть часа, когда поступил приказ на сопровождение семерки «Илов» для удара по скоплению вражеской бронетехники. Большой начальник с позывным «Ревень» обещал, что лететь недалеко и по топливу они уложатся. Не уложились. Ударные самолеты опоздали, подошли, когда бензина у истребителей оставалось только на обратный путь, да и то в обрез. Причем это были не «Илы», а СБ.

Уже вечером мрачный Бармин сообщил, что высокое начальство очень недовольно. Из семерки бомбардировщиков вернулся только один самолет, да и тот упал, едва перелетев линию фронта. У командующего ВВС фронта вопросов к ним не было, а вот представитель ГУ ВВС требовал расследования, накатал рапорт прямо Жигареву, в общем, раздул кадило, демонстрируя активность и собственную значимость. На командире полка дело не остановилось, докопались до прямого виновника – командира третьей эскадрильи лейтенанта Северова. Полковник из главка ставил в вину повышенный расход топлива из-за ненужного маневрирования, больше расход – меньше время патрулирования, так что выводил на проявление трусости. Олег с трудом сдержался, чтобы не наговорить все, что думал по этому поводу, Бармин это понял. Как он добился, неизвестно, но Северова направили в Москву, в управление ВВС ВМФ с какими-то бумагами по авиационной спасательной службе. Предполагалось, что он пробудет в столице некоторое время, пока страсти не улягутся. Философскому отношению к некоторым вещам Олег научился еще в прошлой жизни, так что оставил эскадрилью на Ларионова и спокойно убыл туда, куда послали.

В одной гимнастерке было еще холодно, в шинели ехать не хотелось, да и не подгонял ее Северов, поскольку в ней почти не ходил, в короткой летной куртке ходить по Москве – искать приключений до первого патруля. Запасливый Тарасюк выдал ему удлиненную кожаную куртку образца то ли 1934, то ли 1937 года, не такую громоздкую, как реглан, да и сидела

она как влитая. Пара смен белья, мыльно-рыльное, готов! Вечером 11 мая ПС-84 унес Олега на Центральный аэродром, откуда он довольно быстро добрался до гостиницы. То ли для командированных был не сезон, то ли на администратора, женщину за пятьдесят, произвел впечатление набор из двух орденов на груди молодого лейтенанта, но в четырехместном номере Олег оказался один.

Утром 12 мая Северов неожиданно принял сам Жаворонков. Семен Федорович внимательно выслушал короткий отчет о работе АСС, продемонстрировал знание докладной записки об организации этой службы, в составлении которой Олег принимал самое непосредственное участие. Дело было, конечно, важное и нужное, но личное участие командующего было непонятно, пока в кабинет не вошел молодой полковник с орденом Красного Знамени на гимнастерке. На вид он был примерно возраста Северова, из чего тот заключил, что перед ним сам начальник Инспекции ВВС Красной Армии Сталин Василий Иосифович. Кстати, на Сергея Безрукова, который исполнял его роль в каком-то фильме, он был совсем не похож. Олег встал и представился, в ответ Василий протянул ему руку. Пришлось повторить все, что только что рассказал Жаворонкову, да еще охарактеризовать достоинства и недостатки используемой техники. Энтузиазм, который демонстрировал сын Верховного Главнокомандующего, быстро прояснился, да он особо и не скрывал его причины. Василия не пускали на фронт, а использование АСС давало надежду на то, что полеты все-таки разрешат.

– У тебя дела еще какие-то здесь есть? – неожиданно спросил Сталин-младший.

Олег посмотрел на Жаворонкова, тот отрицательно покачал головой.

– Тогда поехали со мной, подробнее все расскажешь!

Когда Северов, попрощавшись с командующим, стал выходить из его кабинета, генерал задержал его за локоток. Василий уже вышел и услышать их не мог.

– Послушай меня! Расскажи ему все подробно и не стесняйся просить о помощи в делах. Он многое может выбить. Но будь осторожнее, он человек увлекающийся, на решения быстрый. Все, освободишься, доложишься!

На улице выяснилось, что полковник приехал на спортивном «Мерседесе», видимо том самом, который подарил отцу Гитлер. Поехали куда-то за город, с большой дороги свернули направо. Василий увлеченно рассказывал о своей идее – создании особых истребительных полков, укомплектованных лучшими летчиками. Эти полки должны были перебрасываться в нужное место, где требуется завоевать господство в воздухе. В прошлой жизни Олег кое-что читал об этом, хотя большим знатоком истории авиации не являлся. Василий говорил искренне, было видно, что это дело кажется ему очень важным. Северов понял, что невозможность попасть на фронт очень его угнетала, он несколько раз упомянул погибшего Тимура Фрунзе, высказался в духе, что должен отомстить за него.

Наконец дорога привела их к высокому забору из красного кирпича, за которым находился двухэтажный дом и хозяйственные постройки. Толком осмотреться Василий не дал, потащил внутрь. Олег понял, что это так называемая «дальняя дача», ближняя была в Кунцеве. По меркам прошлой жизни Северова от Москвы было совсем недалеко, но дорога-то была не из 21-го века!

Время было уже за полдень, и Василий затеял обед. В разговоре с немногочисленной обслугой он упомянул какого-то Пупка, но речь шла скорее всего о человеке, а не о коте или собаке. Появились еще два молодых человека примерно одного с хозяином дачи возраста, Олег сообразил, что это, скорее всего, сыновья Анастаса Микояна. Как звали младшего, Северов не помнил, а вот старший точно Степан. Когда Олег ушел из того мира, он был еще жив, хотя и стар, больше девяноста лет. Познакомиться с ними было интересно, тем более что оба были летчиками, причем далеко не рядовыми по своему мастерству. На лице и руках Степана были следы заживших ожогов, но наград на гимнастерке ни у него, ни у брата не было. Северова они разглядывали с интересом, но говорили мало, больше слушали.

Обед был довольно простой: куриный суп и гречневая каша с мясом, а также соленые огурцы и помидоры, капуста. К чаю подали лимоны, Василий сказал, что очень их любит. На столе была водка, Василий потянулся, чтобы разлить ее, но Олег отказался, причем довольно демонстративно.

– Во-первых, сейчас обед, а не ужин. А во-вторых, я совсем не употребляю. Не тянет совершенно, да и реакция снижается.

На удивление Василий, повертев бутылку в руках, тоже наливать не стал, сказал только:

– Посмотрим завтра, какой ты летчик!

Молодые люди уже справились с первым блюдом, когда к столу вышла девушка, почти девочка, лет шестнадцати, похожая на Васю, из чего Олег заключил, что это Светлана. Он тут же встал и помог ей устроиться за столом, а она с интересом разглядывала человека, который отказался пить с ее братом. Из реплик Василия Северов понял, что Пупком он дразнил ее.

Во время учебы в Академии в прошлой жизни Олегу, обладающему аналитическим умом и склонному к научной работе, было предложено подумать о диссертации. В итоге он все-таки предпочел карьере строевого летчика, а возможности продолжить обучение в связи с увольнением у него не было, но проблемами взаимодействия авиации с наземными войсками он занимался плотно и с интересом. Вот и сейчас с авиационной спасательной службы и общего положения на фронтах перескочили на эту тему. Северов тоже увлекся и, видимо, не особенно следил за словами. Молодые летчики слушали его, конечно, не с открытыми ртами, но очень впечатлились, задавали много вопросов, приводили известные им примеры, иногда даже спорили. В общем, не заметили, что уже стемнело.

Василий удивил Светлану и Микоянов тем, что пить не стал и за ужином, Олег уже вовсю раздумывал, что делать дальше, когда Сталина-младшего позвали к телефону. Через некоторое время он вернулся и объявил, что должен срочно выехать в Москву, так что Северов удачно вернулся в свою гостиницу еще до полуночи. При расставании договорились, что встретятся в десять утра на Центральном аэродроме, начальник Инспекции ВВС хотел оценить уровень Северова-летчика.

Василий проявил заботу, и на аэродром Олега доставила черная «эмка». Полковник нетерпеливо прохаживался возле пары «Яков», братья Микояны стояли неподалеку. Чуть поодаль стояли еще с десятков летчиков в званиях до майора, многие с боевыми наградами. Северов поприветствовал присутствующих.

– С «Яком» знаком?

– Освоил в запасном полку.

– Тогда давай, полезай в кабину!

К маю 1942 года полковник Василий Сталин имел налет более трех тысяч часов и был, безусловно, очень опытным летчиком, да еще и весьма талантливым. Но не хватало ему рассудительности, причем не только в воздухе. Перегрузки он переносил неплохо, но с Олегом сравниться не мог, с ним в этом вообще мало кто мог соперничать. Щадить самолюбие Василия и поддаваться ему Северов не стал, но поединок легким назвать было нельзя. Возможно-сти молодого тела и опыт двух жизней свое дело сделали, но из кабины Олег выбрался мокрым от пота.

– Увлекаешься! – сказал он Василию, когда тот оказался на земле, и тут же, не обращая внимания на гомон окружающих, разобрал его ошибки. Справедливости ради надо сказать, что летчиков такого уровня Северов встречал немного. Бринько, Синицкий, еще несколько человек, но была видна и проблема. Василий был хорош как рядовой пилот, но по поводу его возможности эффективно управлять подразделением в воздухе Олега терзали сомнения. Впрочем, это были всего лишь подозрения.

В воздух поднялся еще два раза, оппонентами Северова стали капитан и майор, но результат был тот же, хотя летчики они были сильные. Им Олег тоже объяснил ошибки, сделал

это корректно, без всякого проявления превосходства, так что никто не обиделся, по крайней мере внешне.

Обедать поехали в ресторан, там Василий все-таки выпил, да и остальные не отставали, кроме Микоянов. Эти были, видимо, строго воспитаны, буками не сидели, но рюмки сразу отставили. За столом, впрочем, разговоры велись не о девушках, а на авиационные темы, так что Северов из разговора не выпадал. От поездки на дачу Олегу удалось отвертеться под предлогом работы в управлении ВВС флота, но расстался он с летчиками только вечером, когда предстояло уже думать об ужине. Василий захмелел, но соображал нормально, так что про управление с помощью РЛС, об оснащении ими истребителей и бомбардировщиков, а также о летающем радаре выслушал с большим интересом, много спрашивал и велел одному из подчиненных кое-что записать.

14 мая Северову пришлось ехать в управление ВВС РККА, Василий собрал десятка два командиров, среди которых было полдюжины полковников и никого в звании ниже майора. Работали целый день до глубокой ночи, Сталин-младший был неутомим. Снова рассуждали про взаимодействие авиации с наземными войсками, о роли РЛС, ради этого вызвали несколько специалистов по радарам, Олег толковал с ними об определении высоты цели и использовании эффекта Доплера, радионавигации и системе «свой-чужой». Пришлось нелегко, с одной стороны нельзя показать несуществующие еще знания, с другой – нужно было попытаться навести на правильные мысли. Прикидываться человеком, который в порядке самообразования разбирался с некоторыми вопросами, было непросто, еще сложнее было наводить на нужные мысли, но так, чтобы оппоненты не догадались об истинном уровне знания. Трудно сказать, насколько все удалось, но радиотехники ушли очень довольные, о чем-то возбужденно переговариваясь, а Северов чувствовал себя выжатым, как лимон. Следующие два дня прошли в том же стиле.

Пришлось возвращаться и к теме авиационной спасательной службы. Основных проблем было две: как найти сбитого летчика или экипаж и как его вывезти. В более поздние времена наличие радиомаяков и компактных радиостанций позволяло это делать с достаточной точностью, но уровень развития радиоэлектроники первой половины 1940-х годов не давал возможности воспроизвести эти устройства. В обычных радиолампах Северов практически не разбирался, лишь на общеобразовательном уровне своего прежнего времени, но конкретно о стержневых слышать приходилось. В Афгане он приятельствовал с довольно пожилым спецом, который начинал еще в 60-е годы, когда радиостанции и другие устройства на их основе были широко распространены. В свободное время технарь любил порассуждать о прогрессе радиотехники, вот в памяти и отложилось. Так что «вдуть в уши» кое-что соответствующим специалистам удалось, они уже многими проблемами занимались и сами, оставалось только направить их в нужное русло. А пока они разродятся работоспособными образцами, придется действовать по старой схеме. О неприятностях летчика сообщает он сам или его напарники. Если для контроля воздушной обстановки используется радар, то приблизительные координаты можно получить и с него. Автожир или «Хадсон» находятся в полной готовности либо выдвигаются в район ожидания, находящийся поблизости от квадрата, где действует фронтовая авиация. Радиус действия истребителей или штурмовиков невелик, так что выход спасательных машин в точку не должен занимать много времени. А летчики с собой должны иметь в жилете сигнальное зеркальце, а также компактные ракетницы или иные средства для обозначения своего положения. Конечно, противник тоже не дремлет, но тут уж кто быстрее, да и с воздуха обычно видно лучше, чем с земли. Эффективность такой работы была намного ниже, чем хотелось, но «за неимением гербовой, пишем на простой». К тому же зачастую вывозить раненого летчика приходилось и со своей территории, а своевременно оказанная медицинская помощь давала дополнительный шанс выжить. Второй проблемой была авиатехника, которая позволит вытащить сбитого пилота, вертолеты еще массово не производятся. Но и тут есть варианты. Во-

первых, автожиры. Имеющийся ЦАГИ А-7 неплох, однако это ближний разведчик и корректировщик, для перевозки людей он не приспособлен. Как только полк получил эти машины вместе с заводскими инженерами, Олег плотно занялся общением с КБ по поводу их усовершенствования. Камов обещал вот-вот дать на испытания новые образцы, один с фюзеляжем, способным вместить десяток десантников с полным вооружением, второй – ударный. Взлетали и садились они на такие площадки, где даже У-2 делать было нечего. Во-вторых, союзники обещали поставки «Хадсонов», а отечественные КБ начали работы по проектированию аналогичного самолета, делая особый упор на короткий взлет-посадку и способность работать с плохо подготовленных площадок. В-третьих, Северов совершенно точно помнил, что «Ховер-флай» Сикорского, вполне пригодный для серийного производства, взлетел в самом начале 1942 года, а мы чем хуже? У нас есть Камов, Братухин, Миль, последнего, как выяснилось, уже вернули к автожирно-вертолетной тематике. На третий день Олегу удалось пообщаться с этими тремя китами, в том числе в кулуарной обстановке, в перерывах между совещаниями и после них, уже вечером. Как и радиотехники, вертолетчики были воодушевлены открывающимися перспективами, поддержка их разработок на самом верху была для них очень значимой. Выяснилось также: что-то втихую мараковал даже Яковлев, в прошлой истории он тоже немного занимался вертолетной тематикой.

В общем, нерешенных вопросов оставалось много, но над ними работали. Тактика действий сбитого летчика и поисково-спасательной группы тоже требовала совершенствования, но эти наработки безусловно пригодятся в будущем, когда главные проблемы будут в стадии разрешения. Олег в очередной раз приятно удивился скорости, с которой решались организационные вопросы, но это было объяснимо – война. Северов, правда, признался себе, что еще немного, и он свихнется, настолько трудно давалось общение в стиле полунамеков и наводящих вопросов, но попытка продолжалась недолго, и Олег стал задумываться о завершении командировки.

Василий неоднократно предлагал ему разные варианты переводов: в инспекцию ВВС, в другие авиачасти, но Северов твердо отказывался от всего, тем более что в 33 ИАП все и так складывалось неплохо. Рядом друзья, начальство ценит, нововведения получают. А искать счастья поближе к высокому руководству он никогда не любил, да и чревато это.

Василий Сталин произвел на Северова двойственное впечатление. С одной стороны, он совсем не укладывался в образ дурака и пьяницы, активно культивировавшийся после распада Союза. Не был он и прожженным эгоистом, о других людях проявлял заботу искренне, без рисовки и показухи. Рассказывая о ранении, Олег между делом попечалился о потерянном «Браунинге», но уже на следующий день Василий ему подарил такой же, с двумя запасными магазинами и небольшим запасом патронов, при этом улыбался и был счастлив не меньше нового хозяина пистолета. С другой стороны, и выпить любил, и неуравновешенность присутствовала, какая-то юношеская необходимость самоутвердиться, которая у Олега в прошлой жизни прошла совершенно годам к шестнадцати, если не раньше. Северов поймал себя на мысли, что по-человечески жалеет его, быть сыном Сталина – бремя тяжелое, для него, видимо, оказавшееся неподъемным.

За этими размышлениями Олег добрался до своего номера в гостинице уже после полуночи. Наступило 17 мая, а он все еще был в Москве. Впрочем, переживал Северов зря: поработали еще два дня, и он вылетел обратно.

Полк продолжал свою боевую работу, летчики полка делали в день по два-три вылета, но в основном шестерками или восьмерками, пару раз полными эскадрильями. В большинстве случаев сил для выполнения задачи хватало, но несколько раз пришлось наращивать в ходе боя. Очень помогал снова заработавший радиолокатор, Бармин уже не мог себе представить работу без планшета, это же каменный век! А 23-го пришлось поднимать весь полк, зато эффект каков! Не только сорвали налет на места сосредоточения наших войск, но и серьезно потре-

пали птенцов Геринга. Сбили двенадцать пикировщиков и семь истребителей! Сами потеряли пять машин, но летчика только одного. Могли потерять больше, по крайней мере еще троих, но сработала АСС. Двое были ранены и могли квалифицированной медицинской помощи просто не дожидаться, но их вывезли с нашей территории и сразу передали докторам, выживут ребята, теперь точно выживут. А один приземлился на территории, контролируемой противником, к нему уже направились два вражеских вездехода, но автожир успел выдернуть летчика у них из-под носа, а прикрывающая пара из лейтенанта Бабочкина и старшего сержанта Баградзе сделала из этих консервных банок металлолом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.